Сун Луань была должным образом доставлена в комнату. Она свернулась калачиком, спрятала своё лицо меж ног, её тело слегка дрожало.

Вскоре Чжао Нанью открыл дверь и подошёл к ней с лекарством. Его высокое тело заслонило свет перед ней. Сун Луань подняла лицо, её глаза покраснели, и она жалобно дёрнула его за рукав, дрожа.

— Ты можешь придумать другой способ? Я не могу. Я не могу сделать этого.

Она не могла убить собственного ребёнка в одиночку.

Чжао Нанью чувствовал себя неловко и онемел после того, как его ударила правда.

— Ты помнишь, что тебя отравили?

— Да.

Он отравил её.

— Оставшийся яд опасен для ребёнка. Даже если ты и ребёнок выживите при родах, он не проживёт долго, или родится инвалидом.

Ногти Сун Луань впились в ладони, но она не чувствовала боли.

Так вот оно что.

Похоже, что как бы она ни старалась, всё было бесполезно.

Чжао Нанью обнял её и стал понемногу вливать лекарство ей в рот. Она послушно выпила всё.

Вскоре на лице Сун Луань не осталось ни капли крови, её губы побледнели, и всплески боли усилились, как будто кто-то ножом шевелил нижнюю часть её живота. Ей было так больно, что она не могла говорить.

Её юбка была испачкана кровью, и запах крови в комнате стал сильнее.

Кристалльные слёзы неудержимо потекли из уголков её глаз. Чжао Нанью обнял её, его сердце сжалось, и он сказал хриплым голосом:

— Тебе скоро станет лучше, не бойся.

Сун Луань с трудом приоткрыла глаза.

Сначала она хотела сказать: "Я тебя ненавижу", но, поразмыслив, она приняла вполне разумное решение.

— Мне больно. Мне больно, Чжао Нанью.

Он вытирал слёзы с уголков её глаз и повторял ей снова и снова:

— Я рядом. Я рядом.

Кровь обильно текла из её тела, что шокировало Чжао Нанью.

— Скоро всё будет хорошо.

Из-за сильной боли она была в бреду. Почему это случилось с ней? Она сделала что-то не так?

Она сердито взглянула на Чжао Нанью:

— Ты не должен меня задерживать, я всё равно должна идти. Ты же видел, что я оставила?

Она тихо рассмеялась.

— Я говорила, что ты мне нравишься, но это была всего лишь ложь.

Сун Луань задыхалась от боли. Она была связана сюжетом с главным героем, и сильная боль в нижней части живота заставляла её чувствовать, что она вот-вот умрёт.

Она сказала всё, что хотела сказать:

— Ты мне не нравишься, и нет никого хуже тебя.

Хуай Цзинь и Хе Ран были намного лучше его.

Она не могла поколебать линию судьбы первоначального владельца этого тела.

— Я тебя не боюсь. Мой отец - высокопоставленный чиновник, а брат меня балует. Когда мне станет лучше, я уйду от тебя, не оглядываясь.

Её голос стал тише, и она стиснула зубы.

— Я хочу найти действительно хорошего мужчину.

Сун Луань посмотрела на болезненное выражение лица Чжао Нанью.

Боль в нижней части живота постепенно уменьшилась.

Она обильно потела и лежала в объятиях Чжао Нанью с бледным лицом. Она не сопротивлялась сильной боли. Сун Луань закрыла глаза и заснула.

Кровь под её телом наконец остановилась. Чжао Нанью вымыл её и надел чистую одежду.

Его мозг распух, а глаза сузились. С каждым вздохом его горло и сердце, казалось, вспарывали ножом, и он не мог стоять прямо от боли.

Слабая желтая свеча освещала её прекрасное лицо. Чжао Нанью одержимо смотрел ей в лицо. Он вдруг вспомнил слова, написанные на книге, которую она дала ему, и вспомнил, кого она хотела найти сегодня. Каждое её слово пронзало его сердце.

Глаза Чжао Нанью были глубокими и бездонными, а его холодные ладони накрыли её лодыжки.

Он прошептал ей на ухо:

— Ты моя.

Сун Луань проспала в постели три или четыре дня, каждый день её поили водой.

Она всё ещё каким-то образом помнила его глубокий хриплый голос, когда она была в полусне.

Когда она открыла глаза, был уже второй день Нового Года. Так как на улице шёл сильный снег, окна и двери были плотно закрыты. Сун Луань села на кровати, её лицо было бледным, как бумага, и тонкие пальцы сжали простыни под ней. Её ресницы задрожали, когда она огляделась.

В комнате никого не было.

У неё было никакого дискомфорта, кроме отсутствия сил и выносливости.

Она пошевелила ногами и услышала звон колокольчиков. Сун Луань приподняла одеяло и посмотрела на серебряную цепочку на своей лодыжке.

Она была ошеломлена на секунду, прежде чем рассмеялась.

Все её догадки и опасения сбывались.

Главный герой – больная собака.

Дверь со скрипом отворилась. Вошёл человек в тёмном костюме, и ветер, дувший из открытой двери, рассеял часть тепла из комнаты.

Пустые глаза Сун Луань внезапно прояснились. Она попыталась снять цепочку.

Её лицо было уродливым, а тон довольно резким:

— Сними её.

Чжао Нанью молча сел рядом с ней, нежно погладил её по лицу и слабо улыбнулся:

— Ты наконец-то проснулась.

Глаза у него были измученные, а губы – бледные. Похоже, что его жизнь не была лёгкой, пока она лежала в постели.

Нерождённый ребёнок был плотью и кровью Чжао Нанью. Когда-то он искренне ждал появления этого ребёнка.

Яд был делом его рук. Ребёнок был убит его руками.

Его сердце не было сделано из камня, так как оно могло не болеть? Его сердце, казалось, было в колючих шипах. Если бы он захотел вынуть его, ему было бы ещё больнее.

Держа в руках тарелку с кашей, Чжао Нанью продолжил:

— Сначала съешь что-нибудь.

Хотя у Сун Луань не было сил, она посмотрела на него, подняв подбородок:

— Сначаланими её.

Так как Чжао Нанью вёл себя так, будто ничего не слышал, Сун Луань опустила голову и яростно укусила его за запястье. Её острые зубы глубоко пронзили его плоть, и кровь начала стекать вниз.

Чжао Нанью словно не чувствовал боли, потому что его брови даже не сморщились.

Сун Луань была немного расстроена. Она понимала причину, по которой Чжао Нанью был так осторожен. На самом деле она была в таком бреду, что не могла вспомнить всё, что сказала ему.

Она слабо улыбнулась и очень спокойно посмотрела в глаза Чжао Нанью. В её глазах не было даже обиды на него.

— То, что я сказала в тот день, было чепухой. Ты можешь снять её. Я не сбегу.

Сун Луань глубоко вздохнула и сказала:

— Что ты хочешь сделать? Хочешь, чтобы я жила как собака?

Её слова были как острый меч, который пронзил его прямо в сердце.

Сун Луань время от времени напоминала Чжао Нанью, что это он причинил ей вред.

Сун Луань хотела, чтобы он понял, что она не ускользнёт от него в будущем. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Разве она всё ещё не замужем за ним?

Румянец на лице Чжао Нанью постепенно поблек. Он опустил глаза, достал ключ и, не говоря ни слова, снял цепочку.

Сун Луань даже не взглянула на него. Она снова легла, повернувшись к нему спиной.

— Я не хочу есть.

Чжао Нанью думал, что она проснётся в слезах и будет кричать, но она была спокойна, как ни

в чём не бывало, и он не видел в её глазах обиды на него.

Она не испытывала к нему никаких чувств.

Чжао Нанью выдавил улыбку на бледном лице.

— Я думаю, тебе стоит поесть. Не причиняй вреда своему телу.

Сун Луань обернулась, посмотрела ему прямо в глаза и насмешливо улыбнулась:

— Если ты выйдешь, я поем.

Чжао Нанью смиренно ответил:

— Хорошо.

Как только он ушел, вошла бабушка Линь. Она осторожно ждала, наблюдая, как она съедает две тарелки каши, прежде чем убрать со стола.

Сун Луань надела пальто и встала с постели. Дом был полон угля и огня, и она совсем не чувствовала холода. Сун Луань хотела открыть окно, чтобы впустить воздух, но её остановила бабушка Линь:

— Мадам, на улице холодно. Это повредит вашему телу.

Она кивнула, тело было её собственным, но она не могла позволить другим людям беспокоиться о её здоровье...

Чжао Нанью знал, что Сун Луань не хочет его видеть. Она по-прежнему оставалась в своей комнате и ела три раза в день.

Через несколько дней, видя, что её лицо постепенно становится всё более и более розовым, Чжао Нанью сказал:

— Скоро Фестиваль фонарей. В этот вечер на улице будет очень оживлённо, и тебе, конечно, это понравится.

Сун Луань сказала без интереса:

— Ох.

Когда она проснулась, то обнаружила, что его нефритовый кулон уже висит на её шее. Сун Луань была равнодушна к этому, потому что, что бы она ни делала, она не могла победить Чжао Нанью.

Он отстранил её от себя и нежно положил руки ей на талию. Чжао Нанью положил подбородок ей на плечо.

— Тебе что, не нравится Фестиваль фонарей?

Тело Сун Луань напряглось, её глаза не знали, куда смотреть.

— Мне интересно, мальчик это был или девочка?

Она и Чжао Нанью были не так уж плохи с точки зрения внешности. Если это была девушка, то она, должно быть, была бы очень хорошенькая. Если бы это был мальчик, он был бы таким же умным, как маленький Чжао.

Чжао Нанью поперхнулся и не смог вымолвить ни слова. Придя в себя, он уже собирался открыть рот, когда услышал, как Сун Луань сказала:

— Ну... ладно, не будем об этом говорить.

Это было бессмысленно.

Новость о выкидыше Сун Луань была известна всем в доме, как и тогда, когда она забеременела.

Третья Госпожа Чжао чуть не упала в обморок, когда услышала эту новость. В последний раз, когда она приходила к ней, разве у неё и её ребенка не было всё в порядке? Как мог ребёнок исчезнуть в мгновение ока? Нанью был таким строгим. Этого не должно было быть.

Она хотела навестить его, но Нанью отказал ей.

Третья Госпожа Чжао заметила, что он тоже измучен.

За более чем десять лет, что она прожила с ним, депрессия Нанью была действительно редкостью. Она похлопала его по плечу и смогла только утешить, сказав:

— В будущем у вас ещё будут дети. Не грусти так сильно.

Чжао Нанью мягко дёрнул уголками рта, но не смог рассмеяться.

Нет, не будут.

— Когда Луань поправится, я надеюсь, ты сможешь поговорить с ней, – тихо сказал Чжао Нанью.

Третья Госпожа Чжао почувствовала, что он довольно жалок, поэтому она кивнула:

— Без проблем.

— Спасибо тебе, мама.

В этом году Сун Луань жила спокойной жизнью.

На третий день Нового Года старушка пригласила её поужинать с ней. Сун Луань привела себя в порядок и наложила макияж, чтобы скрыть бледность лица.

По сравнению с тем, что было несколько дней назад, она сильно похудела, и вся её одежда выглядела большой на её теле.

Она не знала, жалеет ли её Старая Госпожа, но на этот раз её взгляд сильно смягчился, и она не сказала ничего странного.

И первая Леди Чжао, и вторая Леди Чжао весело разговаривали. Сун Луань пила только куриный суп и не собиралась вдаваться в их тему, но они всегда хотели упомянуть её.

Вторая Леди сделала вид, что спрашивает:

— Луань, ты в добром здравии? Этот выкидыш – не пустяк. Если за телом не ухаживать должным образом, она может перерасти в серьёзную болезнь в будущем.

Сун Луань положила ложку в руку и рассмеялась над второй Леди, когда та с горечью сказала:

— Не расстраивайся.

Лицо второй Леди изменилось, и она посмотрела на нее.

— Почему ты так говоришь? Твоя тётя заботится о тебе.

Заботится? Сун Луань хотела усмехнуться.

Даже Старая Госпожа не смеялась над своим выкидышем, но у этой второй Леди не было манер.

— Тогда я тебя беспокою.

Старая Госпожа холодно прервала их:

— Давайте поедим.

После ужина вторая Леди не собиралась останавливаться. Ее голос был таким громким, что она не знала, с кем говорит:

— У моего сына трое детей. Он моложе Нанью. В последние два дня я слышала, что одна из его наложниц снова беременна. К тому же у него была хорошая жена. Она была щедра, добродушна и послушна.

Когда обе жены и другие вокруг них вздохнули, они не забыли взглянуть на Сун Луань.

— Если мужчина женится на женщине, она должна быть добродетельной. Если жена не добродетельна, муж не сможет этого принять.

Первая Леди тайком взглянула на неё и сказала с глубоким смыслом:

— Я помню, что у Нанью никогда не было наложницы?

У кого в этом мире нет комнаты для наложниц? Если мужчина берёт хорошую наложницу, он должен взять её в паланкине.

Первая Леди не хотела вмешиваться в дела Чжао Нанью. Возьмёт ли он наложницу или нет, это не имело к ней никакого отношения.

Теперь, когда её старший сын вернулся в столицу, Сун Луань бесстыдно соблазняла его. Хотя она не усилила свою силу, её характер не изменился. Что, если она снова захочет встретиться со своим сыном?

С красотой Сун Луань её старший сын не мог не смутиться. Поэтому она хотела воспользоваться случаем, чтобы уговорить Старую Госпожу дать Чжао Нанью наложницу и

дать Сун Луань камень преткновения, чтобы у неё не было сил связываться с другими.

По правде говоря, Сун Луань не могла дождаться, когда Чжао Нанью возьмёт наложницу. Кто мог его вынести?

Она сказала с улыбкой:

— Я не ревнива. Я слаба и часто не могу хорошо служить своему мужу. Я тоже хочу найти двух молодых девушек, чтобы они служили ему.

Старая Госпожа дважды кашлянула.

— Ну, об этом не беспокойся.

Сун Луань поняла, что у Старой Госпожи есть какой-то план.

Перед уходом она попросила слугу принести ей из дома коробку первоклассного женьшеня. В конце концов, это было её желанием. Сун Луань не отказалась, взяла его и тихо поблагодарила.

Когда Чжао Нанью вернулся домой поздно вечером, Сун Луань ещё не спала. Она сидела босиком на кровати, держась за подбородок, и рассказывала ему о сегодняшних делах, как будто это было шуткой.

— Господину Чжао очень повезло. Бабушка собирается взять двух наложниц только для вас.

Чжао Нанью, казалось, не слышал, что она сказала. Он тихонько надел ей носки и положил её обратно под одеяло.

— Не мёрзни.

Сун Луань, в отличие от него, откинула одеяло с улыбкой в глазах.

— Разве ты не тронут, когда слышишь о красавицах?

Глаза Чжао Нанью не отрывались от её лица. Он хотел найти в её глазах следы ревности и нежелания, но этого не было. Её глаза были чисты, как родниковая вода, ясны и гладки. Похоже, ей просто очень хотелось сообщить ему эту новость.

— Это не имеет ко мне никакого отношения.

Сун Луань воскликнула:

— Ты действительно бессердечен.

Чжао Нанью побледнел, сжимая пальцы. Он не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Ты не слишком то и заботишься обо мне.

Сун Луань моргнула, глядя на него:

— Мне не всё равно.

Ложь.

На самом деле её актёрские способности были очень плохи. Возможно, она даже не хотела скрывать это от него.

Глаза Чжао Нанью потемнели, и ему стало больно от её удара.

Его дыхание, казалось, имело в себе запах крови, а горло было чрезвычайно хриплым.

— Ладно, спи..

Сун Луань лежала в самой дальней части кровати, завернувшись в стёганое одеяло. Бумажная лампа в изголовье кровати освещала комнату тусклым светом.

— Давай выйдем и посмотрим в день Фестиваль фонарей.

Сердце Чжао Нанью дрогнуло, он погасил свет и сказал:

— Хорошо.

— Пойдём вместе с моим братом.

Она хотела увидеть Сун Хэцина, так как её держали в доме. Она не знала, когда сможет выйти снова, так как однажды видела безумный вид Чжао Нанью. Привязывать её было действительно нехорошо. Она не хотела испытать это снова.

Разве он не любил хороших и цветистых слов? Тогда она согласится.

Она произнесла тысячу раз десять тысяч слов, и все они были фальшивыми. Из-за своего неуклюжего актёрского мастерства она не верила, что Чжао Нанью не видит, что это ложь. Если он и хотел обмануть себя, ей было всё равно.

До Фестиваля фонарей оставалось больше десяти дней, и Сун Луань не интересовалась его делами. Днём она много спала.

За день до Фестиваля фонарей она увидела золотые и серебряные украшения в шкафу и на мгновение была ошеломлена. Она вспомнила, что сказал ей тогда Чжао Нанью, и выражение его лица.

Она аккуратно выбросила все вещи, отобранные из кладовой Чжао Нанью, на другую сторону. После того как она их выбросила, она поняла, что в коробочке почти ничего не осталось.

Когда Чжао Нанью вернулся, он увидел, что она выбросила все эти вещи, ничего не сказав. Она была одета в тонкую одежду и стояла у окна, дыша свежим воздухом. Он плотнее закутал её в плащ.

— Берегись холодного ветра.

Сун Луань была заключена в его объятия и чувствовала его запах:

— Мне не холодно.

— Я боюсь, ты замёрзнешь.

Сун Луань замолчала.

Он купил ей несколько закусок, которые она любила есть. Сун Луань не прикоснулась к ним, лишь бросила взгляд, прежде чем полностью проигнорировать. Он повернулся и приказал людям выбросить их.

Чжао Нанью тускло посмотрел в угол, его лицо напряглось, но он ничего не сказал.

Вечером Сун Луань ворочалась в постели. Ей не хотелось спать.

Чжао Нанью держал её в объятиях, целовал в губы и тихо напевал.

Сун Луань закрыла глаза, лёжа в его объятиях, и заснула.

Эту колыбельную часто пела его мать, когда он был ребёнком.

Чжао Нанью посмотрел на женщину в своих объятиях и крепче прижал её к себе.

<http://tl.rulate.ru/book/41052/1335726>